Иванова Н.В.**Основная система гласных фонем в мокшанских переходных говорах юго-восточного типа**

*ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва»
(Россия, Саранск)*

doi: 10.18411/lj-08-2021-93

Аннотация

В настоящей работе даётся описание основной системы гласных фонем в мокшанских переходных говорах юго-восточного типа. В рассматриваемых говорах система вокализма полностью проявляется в позиции первого слога, где все гласные попадают под ударение. Употребление гласных переднего и не переднего ряда в последующих слогах подчиняется закону сингармонизма, в зависимости от палатального или велярного характера гласного первого слога.

Ключевые слова: Мокшанский язык, диалект, переходный говор, вокализм, первый слог, основная система.

Abstract

This work describes the main system of vowel phonemes in the Moksha transitive dialects of the southeastern type. In the dialects under consideration, the vocalism system is fully manifested in the position of the first syllable, where all vowels are stressed. The use of front and non-front vowels in subsequent syllables obeys the law of syngharmonicity, depending on the palatal or velar character of the vowel of the first syllable.

Keywords: Mokshan language, dialect, transitional dialect, vocalism, first syllable, basic system.

Мокшанские переходные говоры юго-восточного типа распространены на территории Ковылкинского района Республики Мордовия. Они занимают пограничную зону между юго-восточным и центральным диалектами.

Следует отметить, что первыми исследователями мокшанских диалектов были зарубежные ученые-путешественники: А. Регули, Й. Буденц, А. Алквист; фонетическая сторона находит отражение в трудах А. Генеца, Э. Сетяля, Й. Синнеи и др. На рубеже XIX–XX вв. финский исследователь Х. Паасонен посетил десятки мордовских поселений, в том числе побывал на территории современного Ковылкинского района, где в селе Алькино изучил мокшанский язык. Результатом почти двухлетнего путешествия явилась монография «Mordvinische Lautlehre» (1903 г.) [1]. Начиная с 20-х годов XX в. изучением мокшанских диалектов занимались П. Равила, В. Штейниц, Э. Итконен, Д. Лако, Б.А. Серебренников, П. Хайду, А.П. Феокистов, Д.Т. Надькин, Л. Керестеш, Р. Бартенс и др. Плановое описание диалектов мордовских языков было предпринято под руководством Д.В. Бубриха, однако собранный материал в основном так и остался в рукописном виде и хранится в Мордовском НИИГН (г. Саранск). И только в 60-х годах 20 в. в «Очерках мордовских диалектов» [2] были опубликованы монографические исследования по целому ряду мокшанских диалектов – старошпеневскому, темяшевскому, колопинскому, городищенскому, средневадскому, верхне-алатырскому, рыбкинско-мамолаевскому; в дальнейшем появились работы по фонетико-морфологическому строю атюрьевского диалекта, северо-западных говоров и т.д.

Однако, переходные говоры мокшанского языка до сих пор не были предметом специального изучения – это и вызывает интерес современных диалектологов; а они являются носителями не только собственно уникальных признаков, но и присущих

соседним диалектам – юго-восточному и центральному. В связи с этим в качестве сравнительного материала даем соответствия из других диалектов и литературного языка. Это даст возможность представить фонетические особенности выбранного говора более полно. Основной метод, используемый в работе, – синхронно-описательный.

Система гласных фонем мокшанских переходных говоров юго-восточного типа насчитывает семь единиц: три гласные полного образования заднего ряда – верхнего подъема *u*, среднего подъема *o*, нижнего подъема *a*; две гласные переднего ряда – верхнего подъема *i*, среднего подъема *e*; две редуцированные гласные фонемы среднего подъема – передне-среднего ряда *ə*, средне-заднего ряда (*[3; 4]*).

Фонематичность гласных подкрепляется звуковыми оппозициями:

u – o: *šuvən'* ‘я рыл, копал’ – *šovən'* ‘затылок’; *kur(d)ms* ‘загнать’ – *kor(d)ms* ‘одёрнуть’; *kuvən'* ‘корки’ – *kovən'* ‘лунный’; **u – e:** *kul's'* ‘слышал’ – *kel's'* ‘шел вброд’; *kulut'* «золу ту» – *kelut'* ‘березу ту’; *kur'n'e* ‘улица’ – *ker'n'e* ‘береста’; **o – a:** *koṭā* ‘шесть’ – *kaṭā* ‘кот, кошка’; *sodu* ‘в саже’ – *sadu* ‘в сад’; *loman'* ‘человек’ – *lamən'* ‘много’; **o – u:** *lovən'* ‘снежный’ – *luvən'* ‘я считал’; *kovən'* ‘лунный’ – *kuvən'* ‘горбушки’; *ošu* ‘в город’ – *ušu* ‘на воздух’; **o – i:** *mon'* ‘меня’ – *min'* ‘нас’; *poḱā* ‘бок’ – *pikē* ‘живот’; **a – u:** *savəl'* ‘пришел бы’ – *suvəl'* ‘выл’; *kargā* ‘журавль’ – *kurgā* ‘рот’; *alā* ‘внизу’ – *ulā* ‘подбородок’; **a – i:** *val'ams* ‘закопать’ – *vil'ams* ‘свалиться’; *valən'* ‘словесный’ – *vilən'* ‘деревенский’; *kaṗəd'əms* ‘проглотить’ – *kipəd'əms* ‘поднять’; **a – e:** *kel* ‘золовка, сноха’ – *kal* ‘рыба’; *vac'a* ‘замажу’ – *veca* ‘приведу’;

i – o: *s'ivən'* ‘я съел’ – *s'ovən'* ‘глина’; *s'ir'ən'* ‘старого’ – *s'orən'* ‘зерна’; **i – u:** *s'ir'ət* ‘старые’ – *s'ur'ət* ‘нити’; *il'išt'* ‘прутья’ – *ul'išt'* ‘есть’; **i – e:** *pil'əms* ‘бояться’ – *pel'əms* ‘просверлить’; *t'ijəms* ‘сделать’ – *t'ejəms* ‘подмести’; *kil'išt'* ‘широкие’ – *kel'išt'* ‘идут вброд’; **e – o:** *ker* ‘лубок’ – *kor* ‘воля’; *kelas'* ‘лиса’ – *colas'* ‘разбил’; *s'evən'* ‘я взял’ – *s'ovən'* ‘глина’;

ə – i: *vər'n'ej* «мой лесок» – *vir'n'ej* «верба»; **ə – o:** *mər* ‘мурлыканье (звукоподражательное слово)’ – *mor* ‘песня’; *kəRtəms* ‘спалить’ – *koRtəms* ‘говорить’; *sərn'e* ‘пальчик’ – *sorn'e* ‘соринка’; **ə – e:** *mərnaɟ* ‘мурлыкает’ – *ternəɟ* ‘болтает’; **ə – u:** *kərgā* ‘шея’ – *kurgā* ‘рот’ и др.

Ударение в мокшанском языке, который относится к финно-угорской языковой группе, в отличие от индоевропейских языков, не несёт фонологической функции, оно длительное, квантитативное [5].

Относительно ударяемости гласных необходимо сказать следующее: в 95% случаев и выше первый слог является ударным: гласные нижнего и среднего подъёмов (за исключением редуцированных) всегда ударные; гласные верхнего подъема и редуцированные теряют свою ударяемость в том случае, если вне первого слога появляются широкие *a*, *ä*, которые перетягивают ударение на себя [6; 7].

В первом слоге находят отражение все семь гласных, но частотность их распространения неодинакова.

По результатам статистических данных, в позиции первого слога чаще можно встретить широкий гласный *a* [8]. Внутри корневой морфемы он выступает в разных фонетических позициях, его употребление не зависит от качества окружающих согласных.

На стыке корневой и суффиксальной морфемы в позиции между двумя палатальными и палатализованными согласными, как и в юго-восточном диалекте, *a* чередуется с *e*, тогда как в центральном диалекте – *a* // *ä*, например: *al'at* ‘мужчины’ – прх., ю.-в. *al'es'*, цнтр. *al'äs'* ‘тот (этот) мужчина’; *pr'at* ‘головы’ – прх., ю.-в. *pr'es'* «та голова», цнтр. *pr'äs'*; *s'təms* ‘встать» – прх., ю.-в. *s't'es'* ‘он поднялся’, цнтр. *s't'äs'*; *t'rəms* ‘содержать’ – прх., ю.-в. *t'r'es'k* ‘мы содержали его’, цнтр. *tr'äs'k*; *par'ams* ‘париться’ – прх., ю.-в. *par'es'k* ‘мы его пропарили’, цнтр. *par'äs'k*.

Фонема *o* также может иметь любое фонетическое окружение, встречается как в абсолютном начале слова, так и в первом прикрытом слоге, где он может стоять и после велярного, и после палатального и палатализованного согласного, последующий согласный также имеет совершенно разное качество, например: VC – *olga* ‘жердь’, *ozams* ‘сесть’, *oftā* ‘медведь’; VC' – *oc'u* ‘большой’, *ot'n'ams* ‘дразнить’; CVC – *loman'* ‘человек’, *koRtams* ‘говорить, разговаривать’; CVC' – *toz'ər* ‘пшеница’, *mol'ams* ‘идти’; C'VC – *s'ora* ‘юноша’, *s'ovən'* ‘глина’ и т.д.

Уникальными являются фонемы верхнего подъема *u*, *i*. Под ударением они встречаются так же, как и в других диалектах мокшанского языка: *i* имеет место только после мягкого или смягченного согласного, *u* – после любого по качеству согласного, например: *kunc'ams* ‘ловить’, *putams* ‘поставить; положить’, *suskams* ‘откусить’, *kud* ‘дом’, *s'ur'ě* ‘нитка’ (ср.: в ряде говоров центрального диалекта *s'ir'ě*), *t'ur'ams* ‘драться, бороться’, *s'ulā* ‘кишка’, *s'ukən'ams* ‘поклониться’, *s'ulgā* ‘стрела’; *s'imams* ‘пить’, *pid'ams* ‘варить’, *s'ift'əm* «сито», *s'it'ən'* «дотошный, щепетильный, придирчивый», *t'ir'dams* ‘позвать, пригласить’, *s'il'gams* ‘плюнуть’, *s'ir'adams* ‘состариться’, *kil'gams* ‘любить’, *kičkər* ‘кривой, косолапый’.

Частотность употребления *i* выше, чем в других диалектах, так как кроме *i* из общемордовского **i* (*i* < **i*): *t'iš'ě* ‘трава’, *s'ir'ě* ‘старый’, *mir'dě* ‘муж, мужчина’, *s'imams* ‘пить’, *kir'd'ams* ‘держат, держать’ в *i* перешел общемордовский **e* (*i* < **e*): *t'iv* < **t'ev* ‘дело’, *kiv* < **kev* ‘камень’, *vil'ě* < **vel'ə* ‘село, деревня’, *kil'mě* < **kel'mə* ‘холод, холодный, холодно’, *kid'* < **ked'* ‘кожа, шкура’ и др. [9; 10].

В то же время *u* и *i* (< **i*), оказавшись в безударном положении, чередуются с гласной *ə*, это наблюдается в том случае, если в последующих слогах появляется *a* или *e* < **ä*, в центральном диалекте и в ряде говоров западного диалекта *u*, *i* сохраняются, например: *kunc'ams* ‘ловить’ – *kənc'an* ‘я ловлю’; *putams* ‘ставит, кладет’ – *pətan* ‘я ставлю; кладу’; *suskams* ‘откусить’ – *səskan* ‘я откушу’; *s'imams* ‘пить’ – *s'əman* ‘я попью’; *s'ifən'd'ams* ‘просеивать’ – *s'əfən'd'an* ‘я просеиваю’; ср.: центр., зап. *kunc'ams* – *kunc'an*, *putams* – *putan*, *suskams* – *suskan*, *s'imams* – *s'iman*, *s'ifən'd'ams* – *s'ifən'd'an*.

Поэтому в результате редуцирования гласного *u* в рассматриваемых говорах частотность его употребления ниже, чем в тех мокшанских диалектах, которые в безударном первом слоге не знают процесса редукции, зато в говорах чаще встречаются редуцированные гласные: во-первых, сохранились общемокшанские **ə*, ***(, например: м. л. *səRkams* ‘собираться’, *mərga* ‘место перед печью’, *kərga* ‘шея’, *kərgams* ‘согребать’, *pəs'mar* ‘скворец’, *kətnams* ‘кудахтать’, *pərgams* ‘брызгать’, *s'ən'arā* ‘столько, как там’, *t'ən'arā* ‘столько, как здесь’, *ərdas* ‘грязь’, *ər'ven'e* ‘сноха’ и др.; во-вторых, в безударном положении развились вторичные, диалектные *ə*, (из узких гласных верхнего подъема *u* и *i* (< **i*). *s'il'gams* ‘плюнуть’. При этом вторичные редуцированные гласные всегда безударные, а первичные (общемокшанские) ударными являются в том случае, если в слове все гласные верхнего подъема и редуцированные, например: *səRksams* ‘собираться’, *kərs'i* ‘согребает’, *kətnəs'ams* ‘кудахтать’, *pərks'iJt'* ‘брызгают’ и т.д.

Такая же ситуация и с фонемой *e*, которая в указанных говорах встречается чаще, чем в других: между двумя твердыми непарными согласными сохранилась общемокшанская фонема **e*: *kelas'* ‘лиса’, *kesak* ‘моток’; в *e* перешла общемокшанская фонема **ä* [11]: *mel'* ‘желание’, *pel'* ‘кол’, *kel'* ‘язык’, *kemě* ‘сапог’, в других диалектах: *mäl'*, *päl'*, *käl'*, *kämə*.

Таким образом, уникальность фонетического строя мокшанских переходных говоров юго-восточного типа заключается в том, что они представляют собой симбиоз инновационных явлений, развившихся в период самостоятельного развития говоров, и особенностей, свойственных пограничным с ними диалектам. Основная система гласных фонем, употребляемая в первом слоге и состоящая из семи фонем, обогатилась новыми гласными *i*, *e*, являющимися эквивалентами общемокшанских **e*, **ä*, а также

гласными *ə*, *(* – эквивалентами общемокшанских **и*, **i*, в связи с этим частотность использования этих гласных выше, чем в центральном и западном диалектах мокшанского языка. Все гласные фонемы в первом слоге могут быть ударными, однако узкие гласные и редуцированные теряют ударяемость, если вне первого слога появляются широкие гласные.

Сокращения:

Зап. – западный диалект мокшанского языка; м. л. – мокшанский литературный язык; прх. – переходные говоры юго-восточного типа; цнтр. – центральный диалект мокшанского языка; ю.-в. – юго-восточный диалект мокшанского языка.

1. Paasonen, H. Mordwinische Lautlehre / H. Paasonen. – Helsingfors, 1903. – 123 s.
2. Очерки мордовских диалектов. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, в 4 тт. – Т. 2, 1963. – 448 с.; – Т. 4, 1966. – 372 с.
3. Кукушкина, Н.Ф. Фонетика мокшанских диалектов: автореф. дис...канд. филол. наук / Н.Ф. Кукушкина. – Саранск, 2012. – 24 с.
4. Иванова, Г.С. Тяниень пингонь мокшень кяль. Фонетика (нюръхкяня курс) / Г.С. Иванова. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2016. – 124 с.
5. Современные мордовские языки. Фонетика / сост. и общ. ред. Л.В. Бондарко, О.Е. Полякова. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1993. – 203 с.
6. Feoktistov, A.P. Mokshan Dialekte / A.P. Feoktistov // H. Paasonens Mordwinisches Wörterbuch. – Helsinki, 1990. – P. 71–86.
7. Иванова, Г.С. Система гласных в диалектах мокшанского языка в историческом освещении: автореф. дис...д-ра. филол. наук / Г.С. Иванова. – Йошкар-Ола, 1996. – 36 с.
8. Поляков, О.Е. Фонетические системы мордовских (мокшанского и эрзянского) языков в синхроническом и диахроническом аспектах: автореф. дис...д-ра. филол. наук / О.Е. Поляков. – СПб., 1997. – 36 с.
9. Bartens, R. Mordvalaiskielten rakenne ja kehitys. Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia / R. Bartens. – Helsinki, 1999. – 183 p.
10. Деваев, С.З. О сочетаемости фонем в юго-западных говорах мокша-мордовского языка / С.З. Деваев // ОМД: в 5-ти т. Т.4. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1966. – С. 226–231.
11. Иванова, Г.С., Бутылов, Н.В. Репрезентанция финно-угорского **ä* не первого слога (на материале мокшанских диалектов) / Г.С. Иванова, Н. В. Бутылов // Вестник угроведения, 2021. – Т. 11. - №1. – С. 25–32.

Исаева М.Ю., Кривошеева Е.И.

Дуализм проблемы распространения технологий виртуальной реальности в Южной Корее: переводческий аспект

*Тихоокеанский государственный университет
(Россия, Хабаровск)*

doi: 10.18411/lj-08-2021-94

Аннотация

В статье рассматриваются особенности научно-популярных и публицистических материалов по теме игровой индустрии и киберзависимости на корейском языке. Индустрия игр и технологии виртуальной реальности активно развиваются и распространяются не только в Корее, но и по всему миру. В результате этого появилась новая проблема – зависимость от компьютерных игр, которая была признана Всемирной организацией здравоохранения болезнью. С развитием новых технологий также появилось много новой профессиональной терминологии, которая может стать проблемой для переводчика. В работе анализируются позиции представителей игровой индустрии и медэкспертов касательной данной проблемы в переводческом аспекте и предлагаются переводческие решения для адекватной и точной передачи информации на русский язык.

Ключевые слова: корейский язык, Южная Корея, перевод, игровая индустрия, игровая зависимость, ВОЗ, видеоигры, виртуальная реальность.